

Белозорович В. А.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно

Belazarovich V.

Yanka Kupala State University of Grodno

УДК 930/94(476)“18”

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АДАМА КИРКОРА (НА ПРИМЕРЕ «ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ»)

HISTORICAL VIEWS ADAM KIRKOR (FOR EXAMPLE «PICTURESQUE RUSSIA»)

Статья раскрывает авторское видение Адамом Киркором истории белорусских земель. Исследование основано на двух очерках, размещенных в третьем томе «Живописной России». Проанализированы основные события и явления по четырем периодам: древнему, полоцкому, литовско-русскому и российскому. Отмечается отсутствие социально-экономического анализа, «бедность» исторической информации. С другой стороны, А. Киркор привел ряд малоизвестных фактов из истории Беларуси.

Ключевые слова: история; историография; белорусско-литовские земли; народ; концепция истории.

The article reveals the author's vision of the history of Belarusian lands by Adam Kirkor. The study is based on two essays published in the third volume of «Picturesque Russia». The main events and phenomena on four periods are analyzed: ancient, Polotsk, Lithuanian-Russian and Russian. There is a lack of socio-economic information, «poverty» of historical information. Kirkor cited a number of little-known facts from the history of Belarus.

Keywords: history; historiography; Belarusian-Lithuanian lands; people; concept of history.

Формирование концепции белорусской истории на рубеже XIX–XX вв. органически вытекает из белорусоведения предшествующего XIX в. Оно было заложено в работах Михаила Бобровского и профессуры Виленского университета. После закрытия вуза изучением прошлого и культуры белорусского народа занимались любители истории, исследователи-«антиквары», для которых история родной земли представляла собой духовную основу патриотизма. К таким людям можно смело отнести Адама Карловича Киркора. Он оставил потомкам уникальный источник о Беларуси. Это разделы в 3-м томе книги «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Издание вышло в 1882 г. под общей редакцией Петра Семенова [1].

Адам Киркор подготовил для этого популярного издания два раздела: «Литовское Полесье» и «Белорусское Полесье». Автор включил в арал Литовского Полесья Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии, а в Белорусское Полесье – Минскую, Могилевскую, Витебскую и Смоленскую губернии. Очерки содержат графические рисунки художников Владислава Дмоховского, Юзефа Крашевского, Нила Гоголинского и др.

Территорию Беларуси Адам Киркор разделил на две части: литовскую и белорусскую. В литовской части проживали литовцы и белорусы, в белорусской – только белорусы. Считал ли автор книги эти народы самостоятельными этносами?

Найти однозначный ответ в тексте нельзя. Но использование понятия «народность», выделение сюжетных линий об отдельной «исторической судьбе», описание литовского и белорусского наречий позволяют сделать вывод о неприятии Адамом Киркором положений западнорусской исторической школы. Ведь к моменту издания третьего тома «Живописной России» в Петербургской Духовной академии сформировалась западнорусская историография в лице Михаила Кояловича, Платона Жуковича и др.

Методологические подходы Адама Киркора к изучению прошлого не являются новаторскими. Историю он изучал в современной ему традиции историописания. События и явления прошлого он рассматривал через деяния политических деятелей, полководцев, иерархов церкви. Прослеживается в книге влияние романтической историографии первой половины XIX в. В тексте значительный объем информации посвящен народной культуре. Автор подробно описал быт, хозяйственную деятельность, традиции, верования, обряды населения. Чувствуется не только исследовательский интерес историка к предмету познания, но и любовь, восхищение людьми, населявшими «литовское и белорусское Полесье».

Поскольку во второй половине XIX в. формировалось историко-юридическое направление, основанное на изучении памятников законодательства, то Адам Киркор в очерке рассмотрел законодательные акты Великого Княжества

Литовского, в частности привилей Казимира 1447 г. (в тексте 1557 г.), Судебник 1492 г., Статуты Великого Княжества Литовского. В отличие от представителей школы Адама Нарушевича, которые видели в законодательстве Княжества римскую основу, в «Живописной России» правовые нормы выводятся из «Русской Правды» [1, с. 297–298].

Видение истории родного края у Адама Киркора сложилось на основе широкого круга литературы. В тексте нет ссылок на использованные источники (этого не предусматривала научная традиция XIX в.), но автор опирался на большое количество опубликованных работ польской и российской историографии. Он знал содержание трудов Матея Стрыйковского, Альберта Кояловича, Адама Нарушевича, Иоахима Лелевеля, Теодора Нарбута, Василия Татищева, Николая Карамзина, Никиты Устрялова и многих других исследователей. Для обоснования сформулированных положений и выводов он приводил цитаты из летописных источников, документов юридического характера, мемуаров.

Историю белорусских земель Адам Киркор начинал с глубокой древности. Имея опыт археологических исследований, он принял концепцию трех периодов первобытного общества, предложенную Евстафием Тышкевичем после стажировки в Европе. Древние люди появились в Литовском Полесье в каменном веке, о чем свидетельствовало, согласно автору, более 800 каменных и кремниевых орудий, находившихся в Виленском музее древностей [1, с. 4]. Белорусское Полесье – это «край могил, курганов, городищ, городков, урочищ, замков, замковищ» [1, с. 236]. Но в курганах отсутствовали каменные орудия труда, не было и «могил каменного века», «гробов, сложенных из кирпичей, связанных известковым цементом», «гробниц из дубового дерева сложенных» [1, с. 237–238]. Причем для литовского погребального обряда характерно трупосожжение, для русинского – трупоположение или «остовы» [1, с. 6].

Адам Киркор считал и литовцев, и славян автохтонным населением в занимаемых ими ареалах, причем справедливо отмечал, что племя полочан – это те же кривичи. Радимичей он размещал на реке Сож, правильно локализовал дреговичей. Однако автор очерка повторил неверную гипотезу Иллариона Зелинского («Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», Минская губерния) о проживании племени ятвягов в районе Мозыря, Турова, Давид-Городка. Поэтому происхождение белорусов он выводил не только от полочан, кривичей, дреговичей, радимичей, но и от ятвягов и даже от древлян [1, с. 290].

В «Живописной России» отрицается теория происхождения литовских князей от римлян и от скандинавов. Адам Киркор считал, что римская легенда удовлетворяла амбиции Ягайло как короля польского и льстила самолюбию литовской знати. Первым достоверно известным литовским князем назван Рингольд, хотя современные историки относятся к нему как мифической личности. Киркор поверил информации из текста «Хроники Великого Княжества Литовского и Жемойтского». Историк настаивал на династической связи литовской знати с полоцкими князьями. Свою позицию он обосновал рядом факторов: почему столица была перенесена в Новогрудок, «где литовцев вовсе не было»; как славянские земли согласились признать над собой верховную власть литовца Рингольда? При этом привел сообщение Воскресенской летописи о переселении в Литву в 1128 г. полоцких князей [1, с. 73–75].

В тексте Воскресенской летописи утверждается, что жители Вильно пригласили к себе на княжение (из Константинополя) Давида, сына Ростислава Рогволодовича [1, с. 292]. По свидетельству Михаил Без-Корниловича, эту информацию оставила императрица Екатерина II в своих записках [2, с. 9–12]. Адам Киркор добавил, что полоцкие князья бежали от преследований киевского князя Мстислава Владимировича в Литву и Ливонию. Там они прикинулись язычниками, пока Рингольд и его сын Миндовг (из рода полоцких князей Всеславичей) не сформировали мощное государство. Позже, в XX в., эта идея трансформировалась в концепцию «белорусское государство – ВКЛ», которую пропагандировали Вацлав Ластовский [3], Всеволод Игнатовский [4], Николай Ермолович [5] и др.

В «Живописной России» присутствует термин «Литовско-Русское государство» [1, с. 78], впоследствии принятый в либеральной российской историографии благодаря работам профессора Московского университета Матвея Любавского [6]. Сам Адам Киркор положительно оценивал политику великих князей литовских, направленную на централизацию государственного управления. Он отрицал распространенное мнение о «низком» (конюх) происхождении Гедимина, восхищался политикой Витовта, направленной на отделение от польской Короны. В тексте отмечен интересный факт, не получивший развития в современной историографии. Автор пишет о том, что Витовт готовил в свои преемники сына маркграфа бранденбургского [1, с. 90], в будущем курфюрста Фридриха II (1413–1471), получившего прозвище «Железный зуб». Фридрих с восьмилетнего возраста был обручен с Ядвигой, дочерью Ягайло. Десять лет прожил в Польше. После внезапной смерти невесты

Фридрих предался меланхолии и даже отказался от предложенного ему польского престола.

Исследовательский интерес вызывает еще один сюжет. Адам Киркор отметил, что неудачная коронация Витовта в Троках (1430 г.) сопровождалась рядом знамений и преданий: вода в Трокском озере приобрела красный оттенок, там же появилось чудовище, пожиравшее людей, под Смоленском люди якобы видели железного волка, а в Бресте случилось землетрясение [1, с. 91].

Историю Литовского Полесья, по сути ВКЛ, автор завершает в традиции польской историографии 1569 годом. Он пишет о «политической смерти» государства. Конец самостоятельной истории Белорусского Полесья Киркор определил княжением Казимира IV Ягеллона. Ко второй половине XV в. в результате централизаторской политики князей этот регион окончательно вошел в состав Литовско-Русского государства и стал частью «общей истории Литвы и Руси» [1, с. 296].

Период Речи Посполитой для Адама Киркора – польский. Он отметил, что с 1569 по 1795 г. литовские и белорусские земли пережили «ряд бедствий и нравственных насилований, доведших до нравственного растления и затем падения» [1, с. 91]. Польский период представлен в тексте «Живописной России» менее подробно, чем период Великого Княжества Литовского.

Адам Киркор выделил ряд основных моментов этой эпохи: нежелание «литовско-русских чинов» осуществлять межгосударственную унию; веротерпимость Сигизмунда II Августа; стремление иезуитов «окаатоличить массы народа»; моровую язву и голод 1588, 1659, 1710 гг.; пожары 1610, 1655, 1715 гг.; войны с русским царем Алексеем Михайловичем и со шведским королем Карлом XII; борьбу между магнатами в XVII–XVIII вв. [1, с. 93–96].

Анализируя историю Белорусского Полесья, автор отдельно затронул проблему Брестской церковной унии и положение греко-католической церкви. Он отметил противоречия между католическим и униатским духовенством, между базилианами и сельским униатским духовенством. Именно церковная уния, по его мнению, «вызвала протест в южных областях», т. е. казацко-крестьянскую войну середины XVII в., породила народные восстания в Слуцке, Быхове, Могилеве, Речице, Мозыре, Бобруйске [1, с. 306–308]. Факт присоединения униатской церкви к православной в 1839 г. Адам Киркор назвал «знаменательным» [1, с. 316]. Очевидно, что сам автор получил не только возможность ознакомиться с работами, посвященными Брестской унии (Н. Бантыш-Ка-

менского, М. Кояловича, П. Жуковича), но и принял их положения.

Современный для Киркора XIX в. оценен им противоречиво, возможно, под влиянием политических процессов, наблюдавшихся в белорусско-литовских губерниях Российской империи.

Пристальное внимание он обратил на события Отечественной войны 1812 г. В тексте можно прочесть об арьергардных сражениях русской армии, предательстве дворянства и иезуитов, поверивших в обещание Наполеона, данное им в Витебске: «...я устрою (здесь) Польшу...», мародерах и фуражистах французской армии, голоде среди населения. Очень реалистично автор описал переправу «Великой армии» через Березину у деревни Студенка. При этом задан риторический вопрос, не получивший ответа в истории: «Куда Чичагов дел имущество, награбленное в Несвиже?» [1, с. 310–316].

Следуя официальной оценке, Адам Киркор назвал восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. «мятежами». Суровые правительственные меры, направленные на их подавление, он объяснил «увлечениями и легкомысленной верой в заграничные подстрекательства» со стороны польского и белорусско-литовского дворянства [1, с. 96]. Биография Киркора свидетельствует, что его дворянский салон в Вильно еженедельно собирал прогрессивную местную интеллигенцию и играл важную роль в культурной жизни края. В литературоведении этот салон представлен как кружок польско-белорусских писателей и поэтов. В 1858 г. члены кружка под руководством Адама Киркора подготовили к приезду в Вильно императора Александра II сборник статей, стихов, получивший название «Виленский альбом» [7]. Патриотическая польская интеллигенция посчитала этот факт изменой и обрушилась с критикой на писателя и его сподвижников [8, с. 94]. Впоследствии Киркор пытался в Петербурге издавать газету «Новое время», чтобы сблизить русскую и польскую интеллигенцию. Однако его не приняли ни демократические, ни консервативные слои столичного общества.

Таким образом, историческая концепция белорусских земель, представленная в «Живописной России» Адамом Киркором, закрепляла в массовом сознании образованных кругов российского общества убеждение о самостоятельности белорусского народа, его праве на свое, отличное от других этносов, прошлое и свой особый язык. Приведенные им факты, оценка ряда событий были приняты представителями как либерального течения российской историографии, так и белорусскими национальными историками.

Список использованных источников

1. Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значении: Литов. и Белорус. По- лесье: репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – 2-е изд. – Минск: БелЭн, 1994. – 550 с.
2. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии: с привоскуплением и других сведе- ний, к ней же относящихся / сост. М. О. Без-Корнилович. – [Факсимильное изд.]. – Минск: Алфавит, 1995. – VIII, 355 с.
3. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
4. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – 188 с.
5. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск: Беллітфонд, 2000. – 435 с.
6. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 395 с.
7. В память пребывания государя императора Александра II в Вильне, 6 и 7 сентября 1858 г.: [Сборник]. – Вильно: Виленск. археол. комис., 1858. – [4], 182, 12, 21 с.
8. Пытин, А. Н. История русской этнографии / А. Н. Пытин. – Минск: Беларус. Энцыкл., 2005. – Т. 4: Бело- руссия и Сибирь. – 256 с.

Дата поступления: 20.11.2018.

Мастяница-Станкевич О.
Институт истории Литвы, Вильнюс

Mastianica-Stankevič O.
The Lithuanian Institute of History, Vilnius

УДК 94:37.014“1905/1915”(470+476)

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА? ИДЕЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1905–1915 ГОДЫ)

WHY A HOMELESS HAPPENS? THE IDEA OF STUDYING THE HISTORY OF THE NORTH-WESTERN LEFT IN THE STATE SYSTEM OF SCHOOL EDUCATION (1905–1915)

В статье исследуется вопрос, как имперская власть использовала школьное обучение, стараясь создать единое имперское самосознание среди юного поколения, проживавшего на землях бывшего Великого Княжества Литовского в период 1905–1915 гг.

Ключевые слова: политика российских властей; XIX век; имперская лояльность.

This article examines the question of how imperial power used school education, trying to create a unity of imperial self-awareness among the young generation living on the lands of the former Grand Duchy of Lithuania in the period 1905–1915.

Keywords: the policy of the Russian authorities; the nineteenth century; imperial loyalty.

Ковенский губернатор Петр Владимирович Веревкин (1862–1946) в своем отчете за 1908–1911 гг. заметил, что «...главными проводниками русских начал в крае могут быть и всегда будут только школы. Лишь через их посредство возможно воспитывать подрастающее поколение в сознании неразрывной связи северо-западных окраин с коренной Россией...» [21, л. 16]. Уже эта цитата позволяет предположить, что даже после революции 1905 г. и несмотря на некото- рые преобразования в государственной системе

образования¹ школьное образование чиновники Российской империи считали одним из основ- ных инструментов, при помощи которого соз- дается и поддерживается единство имперского самосознания.

До сих пор в научной литературе отдельно не поднимался и не изучался вопрос, как после

¹ После революции 1905 г. в государственных школах Виленского учебного округа было разрешено учиться литовскому и польскому языкам, на этих языках также проис- ходило изучение религии.